

УДК 124.2

О СОЗНАНИИ И СМЫСЛЕ ИЛИ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА¹

Рыскельдиева Л. Т.

***Аннотация.** Рефлексия сознания есть метафизическое начало европейской философии, а попытки ответить на вопрос «что есть сознание?» определяют внутреннюю интригу ее развития. Достоверность самосознания требует от мышления в этой сфере особой точности языковых выражений, умений преодолевать трудности в работе с тезаурусом. Одна из них связана с непереводаемостью, выражающими культурные особенности философской рефлексии. Показать позитивные импликации этой трудности я собираюсь средствами логико-смыслового подхода, разрабатываемого в настоящий момент в российской академической философской среде. Его принцип – «то же иначе» – утверждает несводимость способов образования смысла в разных культурах к единым универсальным структурам.*

Сначала я представлю сознание в качестве фундаментальной проблемы европейской философии, охарактеризую основные подходы к ее решению, потом дам актуальную для наших дней интерпретацию сознания как деятельности и покажу, как она сопрягается с другого вида деятельностью, дескрипция которой нуждается в русском слове Смысл (Smysl). Это слово поможет нам находить то же, но выраженное иначе в инокультурной философии.

***Ключевые слова:** cogito, Я, Другой, осознание, осмысление, смысл, целостность*

Введение

Проблема сознания – одна из самых актуальных в современной науке. А существуют ли специалисты в этой области? Существует ли наука, изучающая его в качестве предмета? Можно ли такой особой наукой считать психологию или нужна интерференция наук в рамках когнитивных исследований? Не ошибусь, если скажу, что удовлетворительных ответов на эти вопросы нет. Что в этом случае дают философские размышления о сознании?

На первый взгляд, ничего, ведь слово «сознание» понятно любому, принято считать, что все бодрствующие люди «в своем уме» обладают сознанием, осознают свои действия. Но европейская философия всегда была внимательна к сознанию и всему, что с ним связано: мышление, познание, разум, интеллект и проч. Более того, движущей силой, энергией переворотов и революционных изменений в западной философской культуре можно считать сдвиги в метафизике, в способах мыслить о мышлении, осознавать сознание, осуществлять рефлексии второго уровня. Детали интерпретации соот-

---

¹ Англоязычная версия данной статьи вышла в сборнике Exploring Consciousness: From Non-Duality to Non-Locality (Ryskeldieva, L. On Conscience and Smysl (Sense) or Lost in Translation / Exploring Consciousness: Non-Duality to Non-Locality. Preface by His Holiness the Dalai Lama. Ed. C. Carpenter, A. Mahajan – New Delhi: Motilal Banarsidas Publ., 2024. Pp. 123-137).

ношения сознания и бытия определяют разницу между разными типами философии и философов: между эмпириками и рационалистами, монистами и плюралистами, агностиками и фидеистами и т.д. Однако особую актуальность все, что связано с сознанием, получило в разных областях знания именно в наши дни, когда речь идет об искусственном интеллекте (AI) и об общем искусственном интеллекте (GAI), когда предполагается возможность моделирования и создания программ, полностью дублирующих деятельность человеческого и даже общественного сознания. Оптимисты в этой сфере ждут от философии сознания прорывных решений и неожиданных подсказок, но не всегда их оптимизм оправдан.

Две основные особенности современного варианта метафизики сознания определили два основных моих тезиса:

1. Сознание надо рассматривать в действенном / деятельностном контексте. Это неизбежно, во-первых, на фоне практического или прагматического поворота в европейской философии, а во-вторых, в свете принципа то же иначе, отвечающего современному интересу к инокультурным способам мыслить;

2. Деятельность сознания (осознание) надо сопоставлять с деятельностью смысла (осмысление). Это неизбежно, во-первых, на фоне поворота к языку в европейской философии, а во-вторых, в свете необходимости учета дискурсивной специфики языка, в котором осуществляется мышление.

Эти особенности определяют следующие трудности мышления в этой предметной сфере:

1. Эссенциализм европейской философской культуры. Европейская метафизика изначально субстанциальная, а проблема сознания в ее контексте звучит как «ЧТО есть сознание?». В таком виде решения у нее нет, возможно, именно поэтому проблема переведена в опытную плоскость, в практику моделирования или программирования.

2. Связь мышления с языком выводит на факт принципиальной разницы образования смысла в разных культурах, например, между европейской, смыслообразование в которой хорошо иллюстрируется кругами Эйлера, и арабской, мыслящей не множествами, а процессами, а также в буддийской, понимание мышления в которой никак не связано со знакомой нам функцией отражения, дублирования действительности в сознании.

Мои тезисы - результат поиска путей преодоления этих трудностей.

Сознание - не вещь (Res), а фундаментальная проблема европейской философии

Если Античности ни термин, ни проблема сознания неведомы, то для европейской философии эта проблема вполне традиционна: новоевропейская метафизика берет начало в декартовом «Я мыслю» как основании утверждать реальность мира. Термин *conscientia* Картезий употребляет на удивление редко, в среднем один-два раза в одном сочинении. При этом основным и ставшим специфически картезианским термином является знаменитое *Cogito* и его производные, имеющие значения, связанные с «мыслить». Как эти значения связаны с *conscientia*?

“... *adeoque actus cogitativi, ut intelligere, velle, imaginari, sentire, omnes sub ratione communi cogitationis, sive perceptionis sive conscientiae conveniunt, atque substantiam, cui insunt, dicimus esse rem Cogitantem*” – пишет Декарт в «Размышлениях о первой философии. Возражение VII» [1, Р.112.] Здесь - картезианское объединение когитальных актов интеллекта, воли, воображения и чувства (*intelligere, velle, imaginari, sentire*) в субстанциальном подчинении мышлению (*Res Cogitans*): «будь то восприятие или сознание». То есть, любой акт мышления может быть или пассивным – восприятием, или активным - сознанием. Кто осуществляет такие акты?

Для Декарта-ученого ответ очевиден, так как он занят изучением своего внутреннего мира, данного ему непосредственно в очевидности внутреннего опыта - опыта Я. Единство этого опыта для Декарта не подлежит сомнению, Я мыслящий существую на самом деле, а фундаментальная презумпция картезианства состоит в том, что активная деятельность Я, доступная мне для изучения, и есть сознание. Так родился главный «персонаж» истории новоевропейской философии – мыслящее, познающее Я. Как оно действует, как мыслит Я, как работает сознание?

Хорошо видно, что проблема сознания задает начало всему философскому курсу и понуждает начать с самого начала, с *origin*, углубившись в «до» мышления, до осуществления контакта мыслящего и мыслимого, до установления связи субъекта и предиката в суждении, ибо мышление и есть установление значений, связи «того» и «этого», «что» и «какой». И как показывают результаты философского востоковедения, механизм установления этой связи не тождественен в разных философских культурах. «Логика смысла» - так называются две работы: культовый манифест постмодернизма Ж. Делеза (“*Logique du sens*”), в котором он в поисках глубины приводит читателя на поверхность, не видя принципиальной разницы между смыслом и бессмыслицей, и философская работа арабиста А.В. Смирнова («Логика смысла»), который выдвинул принцип то же иначе как главный принцип переводчика, перед которым стоит задача поиска смысла этого в другом языке и культуре: в другой культуре этот смысл будет выражен иначе. При этом возможны только варианты, инварианта отсутствует! Нет единого и парадигматического для человека вообще способа смыслообразования, как и нет унифицированного «человека вообще».

Европейская культура основана на интуиции существования, мыслит субстанциально, эссенциально, родовидовыми отношениями, ее суть передается кругами Эйлера и теорией множеств. При этом европейское мышление позволяет множество субъектов при одном предикате и наоборот. Арабоязычная культура основана на интуиции протекания, устанавливает связь действующего и претерпевающего, ее логика процессуальна [2, Р. 287-297], а нормативный строй арабской речи позволяет связывать только одно подлежащее с одним сказуемым. Не одина и логика образования смысла в индийской и европейской культурах, а исследование путей разделения их как ветвей одного индоевропейского корня [3] и выделение разных типов смыслообразования можно считать многообещающим. Один из главных признаков обнаружения такого типа – наличие «непереводимостей», поиск которых, по мнению Б. Кассен [4], есть верный путь в деле

борьбы с языковой и мировоззренческой глобализацией. Победой в ней можно считать тот факт, что индийская философия уже «заставила» мировую культуру выучить такие слова как Карма, Нирвана, Сансара, Самадхи и проч.

Как же мыслить сознание средствами европейской логики смысла? Как сделать его предметом мышления?

Сознание есть деятельность присвоения

Основная интеллектуальная «интрига» в процессе ответа на эти вопросы намечается по линии развития саморефлексии: Декарт – Кант – Гуссерль. Здесь «Я мыслящий» есть существующее *Cogito* как предпосылка, в качестве термина как существительное, Я как центр принятия решений, субъект само-рефлексии, субъект ответственности перед самим собой. Именно поэтому аргумент Д. Деннета «картезианский театр» серьезен: утверждение реальности Я неизбежно связано с дуализмом и дурной бесконечностью. С субстанциалистской точки зрения увидеть его невозможно.

Субстанциалистскому оптимизму и «когитальному реализму» Р. Декарта в отношении существования активного мыслящего Я нанес, можно сказать, смертельный удар трансцендентализм И. Канта 18 века. В его рамках *Cogito* перестало существовать - и на самом деле, как вещь, и даже как явление. Если для Декарта Я – это своеобразный мост между мышлением и протяжением, когда «я мыслящий» и «я протяженный» есть единство, то со времен Канта *Cogito* стало единством самосознания в качестве трансцендентального условия осуществления категориального синтеза, то есть, образования понятий. «Итак, лишь благодаря тому, что я смогу связать многообразное данных представлений в одном сознании, имеется возможность того, чтобы я представлял себе тождество сознания в самих этих представлениях; иными словами, аналитическое единство возможно, только если предположить наличие некоторого синтетического единства апперцепции» – пишет он в «Критике чистого разума» (В 133) [5, С. 205]. Исходя из очевидного и, казалось бы, простого единства самосознания мыслящего индивида, Кант не может утверждать, что оно нам дано, оно – результат моей активности («спонтанности»), когда я, возможно, не всегда осознавая, связываю ВСЕ представления как мои (аналитическое единство), что возможно только в случае, если я осознаю, что все эти представления – МОИ (синтетическое единство). То есть, *Cogito* (Я мыслю, I think, Ich denke) стало такой добавкой ко всему, что происходит в моем внутреннем мире, в Уме (*in mente*), благодаря которой он един и целостен, а я – «в своем уме» и все, что я в нем обнаруживаю, гарантируется мне с очевидностью именно «моего» мира.

В начале 20 века Э. Гуссерль в своей трансцендентальной феноменологии сделал удивительную и смелую попытку реконструкции именно декартовского *Cogito*, но в пост-кантианских условиях. В этом ему помогла экспансия новорожденной для 20 века науки эмпирической психологии, но он видел в этом опасность (психологизация философии!) и подчеркивал, что его феноменология принципиально анти-психологична, так как занимается своеобразным выпариванием **чистых**, трансцендентальных Ego-структур из серий актов восприятия. А это возможно, полагает он, если модифицировать и

перенаправить естественное восприятие: «...возможны известные модификации исконного переживания, какие мы обозначаем как свободный поворот “взгляда” - не просто и не собственно физического, но “духовного взгляда”...» [6, с. 78]. Только такому очищенному и редуцированному к «духовному» взгляду дано *cogitatio* как «переживание сознания». Зачем, спросим мы? Ради Истины, ответил бы Э. Гуссерль. Основателя феноменологии можно назвать ее последним Рыцарем, так как конечной целью его удивительных *meditations* предполагалось постижение сущности вещей, знание которой, как он предполагал, должно избавлять от нигилизма, скептицизма, релятивизма и других болевых точек современной науки, которая больше не способна служить жизненным ориентиром, не может указать смысл жизни. «В скобках» можно заметить, что судьба гуссерлевской чистой феноменологии и изрядно ошельмованной Истины заслуживает интереса в отдельной работе, так как в наши дни господства пост-истины возможность противодействия нигилизму, релятивизму и цинизму остается такой же актуальной, как и в начале 20 века.

Так же, как во времена Гуссерля была популярна психология, в наши дни особый стимул для исследования когнитивных процессов дает новорожденная для 21 века наука – когнитивистика и проект создания «сильного» ИИ, компьютера, способного осуществлять все, что происходит в человеческом уме. Мы уже понимаем, что мыслить «как человек» значит иметь не только центр принятия решений, но и постановки проблем, не только выполнять команды, но и самообучаться, не только обрабатывать данные, но и осознавать их, мыслить от первого лица. В этой связи вопрос о сознании в качестве искомой «добавки» к процессу обработки данных приобретает особую практическую актуальность, и на нее активно откликается аналитическая философия сознания, прекрасно понимающая трудности воспроизводства феноменального сознания. Однако, в целом, она остается на позициях натурализма и дуализма, а натурализм в наши дни стал современной формой того, что чуть раньше мы называли материализмом.

Впрочем, у аналитической философии сознания большой проблемный потенциал, она делает много для поиска парадоксов, апорий и других трудностей при переводе философской проблемы в научную задачу, всем известны многочисленные казусы в стиле «мозги в банке», «миллионы китайцев» и проч. Но она сохраняет при этом исходную картезианскую установку и понимает сознание как существенное, но все же усложнение программы до появления чего-то, чего еще не было, а когда и если программа приобретет это X, то компьютер начнет осознавать и тогда перед программистом будут стоять уже не аналитические, а этические проблемы. О каком же X идет речь?

Он легко обнаруживается в процессе человеческой мыслительной деятельности, а в языке – глагольными образованиями. В русском языке есть глагол «осознавать» - от «сознание». По-английски его значение нельзя передать глагольным образованием “*to conscience*” (возможно, *to aware*, но здесь другая этимология). Но если бы можно было, то каково его значение? Мы говорим «мне надо это осознать», когда получаем извне новые данные, когда надо впустить в себя результат какого-то опыта или, как сейчас принято говорить, информацию, сделать ее своей, придать ей значение. Я, мне, мой,

меня – этот ряд местоимений служит для обозначения результатов такого присвоения, превращения информации или *data* в знание. Универсальность такого присвоения как «делания моим», распространяется и на то, что, казалось бы, не может быть моим – на Другого, который давно и «по умолчанию» воспринимается как *Alter Ego*: это либо обратная сторона меня, либо еще один такой же, как я. В любом случае, Я или *Ego* – основа восприятия, познания и понимания Другого! Очевидно, что при таком взгляде настоящая инаковость Другого никогда не может быть постигнута. Именно этот вполне естественный для человеческой природы процесс **присвоения** составляет основу европейского эго-изма (*egotism*) и социокультурного индивидуализма.

Не имея оснований для оптимизма в области «сильного» ИИ, я скажу, что даже если допустить такое бесконечное усложнение программы, в которой все операции, а также все элементы, в них задействованные, получают искомую рекурсивность, то в создании машины, которая будет мыслить по-человечески, появится еще одно препятствие. Оно связано не только с действием осознания (“*to conscious*”), но и с **действием осмысления** (“*to sense*”). Этот тезис требует пояснения.

Осознанию противостоит осмысление. Непереводимость

Осознание как освоение – сложная рефлексивная деятельность, отличающая человеческий способ мышления, разумную деятельность *Homo sapiens*. Но что делаю я, в данный момент рассуждающий об этой деятельности? Что дало возможность И. Канту «увидеть» трансцендентальное единство самосознания и откуда оно «видно»? Как осознать сознание? Какого рода активность дает мне возможность не оставлять попытки его объективировать?

Мы можем назвать эту активность рефлексией второго уровня – мышлением о мышлении, мета-рефлексией или метафизикой. Чем оно вызвано? Аристотель бы сказал, что ничем, так как чистая “*θεωρία*” должна быть результатом «незаинтересованного» и автономного созерцания сущности. В наши дни мы можем сказать, что наличие философии в теле европейской культуры есть факт, гарантированный необратимостью истории философии и наличием философов, из века в век не оставляющих попытки помыслить мышление. Какого рода *data* при этом осознаются и получаем ли мы при этом информацию? Очевидно, что нет. Тогда что при этом делает наш ум-*mind*?

Наряду с глаголом «осознавать» в русском языке есть еще один глагол, совершенно не переводимый на английский язык, это глагол, образованный от существительного *mysl* (“*to sense*”). Это слово из хорошо известной европейской философии пары «значение – смысл» (“*meaning – sense*”), которая в условиях «поворота к языку» становится базовой для нынешнего социокультурного дискурса, а трудности перевода культовых немецких текстов Г. Фреге и Л. Витгенштейна на английский породили много путаницы и частые подмены одного другим. Большое количество работ по проблематике смысла в 20 веке сделало его неуловимым, он стал похож на улыбку чеширского кота. При этом часто наблюдается психологизация метафизической по природе проблемы смысла. Назову две популярные работы: книгу В. Франкла «Человек в поисках смысла: введение

в логотерапию», в которой потребность в смысле представлена в качестве фундамента психотерапии, и работу Б. Хюбнера «Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов», в которой автор объявил смысл очередной иллюзией, а его сегодняшний поиск – очередным способом уйти от скуки, неизбежно сопровождающей сытость и комфорт современного европейца.

Подход к проблеме «значение-смысл» со стороны аналитической философии со времени Фреге имеет номиналистические корни и делает упор на работу со значениями, с предметной сферой, а работу со смыслом понимает как работу с соотношением предмета и мысли о нем. Не чужда ей и прагматическая постановка вопроса в духе “making the Sense” – она говорит о формировании умения конструировать целое из частей, о вполне конвенциональной процедуре приобретения навыка (точнее, компетенции) соотносить целое и его части, понимать текст.

Герменевтическая философия растворила смысл в языке, сделав из языка стихию, заменила языком традиционное для философии Бытие, а вся культура, философская в том числе, при этом превратилась в текст. Результатом стала сильная филологизация философии и тезисы о том, что она есть не что иное как литературоведение. Показательно, что русское (советское) литературоведение оказалось особо чутким к нюансам значений термина “sense” и к самой проблеме, а М.М. Бахтин, много писавший об этих мировоззренческих нюансах, стал основателем особого направления в герменевтике, ему посвящены не только многочисленные исследования, но и отдельный журнал “Bakhtiniana”.

Однако, если стараться сохранить специфику именно философской рефлексии и избежать крайностей (опасностей?) психологизации и филологизации, надо выделить две основные особенности работы нашего ума со смыслом.

Во-первых, смысл всегда указывает на границу, предел того, о чем идет речь, в этом отношении он всегда маргинален. И этот предел не только у языковых выражений и у текста, но и у жизни, у культуры, у мира! Поэтому в процессе осмысления невозможно освоение, здесь главное – удержаться на краю и продолжать мыслить. Мыслящий в таких условиях – не лирический герой в стиле “Fool on the Hill” Пола Маккартни и не аффективная личность в транс, а именно мыслитель, в силу призвания продолжающий мыслить и там, где обычному человеку это уже не под силу. Действительно, мыслить свое мышление можно только если ты в своем уме, именно поэтому М.К. Мамардашвили называл философское мышление «сумасшествванием с толком». Либо называл философа «шпионом неизвестной родины», имея в виду его способность быть чужим среди своих, быть и не быть в этом мире одновременно. Потому что, **во-вторых**, такое «мышление на краю» показывает предпосылки и пред-рассудки моих суждений, их корни, культурные основания, показывает мне в моем мышлении то, что помыслено именно мной и никем другим, а что мной усвоено из мира и культуры, то есть, от Другого. Где же тогда находится этот шпион, если ему видны основания, предпосылки и исходные интуиции его же мышления?

Не только ответ, но сам этот вопрос не будет понятен, если не учитывать принци-

пиальную «ускользаемость» сознания от «схватывания» даже в непосредственности и очевидности самосознания. Именно потому, что сознание *conscious per se* как таковое никаким образом не может быть опредмечено, но никогда не бывает беспредметным, оно всегда есть действие или процесс осознания (“to conscious”). И, поскольку европейская философия не дает нам никакого другого способа мыслить сознание, кроме как с помощью Я, ее главного персонажа, только особое напряжение моих усилий по преодолению предметности мышления дает возможность увидеть его край или предел. Совокупность этих усилий как процесс, протекающий всегда в настоящем, здесь-и-сейчас, А.М. Пятигорский называл «борьбой с сознанием». Именно этот край или предел выражается русским термином *Smysl* (*sense*) и совершенно невозможным для английского глаголом “to sense”.

В чем заключается основной нюанс русского слова “*smysl*” и почему оно не переводится? Этот смысл, в отличие от аналитического толкования, не сводится к совокупности значений и, в отличие от его герменевтического понимания, указывает не на целое (текст), а на Целостность, которая всегда больше, чем целое, чем сумма всех его частей. Мы не можем ее «сложить» или «сделать», она требует других усилий по своему пониманию. И здесь дело не в тезисе нейрокультурологии о возможности противопоставления аналитического/европейского/рационального и холистического/азиатского/интуитивного способа мыслить и решать проблемы, не только в холистическом тренде в современной науке и не в интересе логиков к телеологии и целеполаганию. Дело в усилиях по переоценке предназначения науки как типа дискурса и в том, что «философия смысла» как контекст философии сознания хорошо укладывается в рамки этой переоценки, а также в возможных культурных импликациях этой философии. А они таковы.

1. Модус бытия Смысла-Целостности – деонтологический

Каким бы мы ни хотели знать *Cogito* - «чистым» а *prigori* или «очищенным» феноменологической редукцией - в самом процессе мышления, в его действительности и действии, целостность «Мир-Язык-Культура» если и есть «данное», то только как трансцендентальное, как определяющее мой способ мыслить, мою «логику смысла». Целостность, по мысли А.В. Смирнова, разворачивается, развертывается в связи подлежащего и сказуемого, субъекта и предиката, как условие связности всех актов моего сознания. Нет мира без такой Целостности, то есть, без Смысла, но его нельзя принимать как данность, так как его бытие не гарантировано без меня. Смысла нет, так как он не дан, но он непременно **должен быть**. «Нет Смысла – нет Мира», говорит М. М. Бахтин, но если он есть или, так сказать, дан, то только этим особым деонтологическим способом, когда Я гарантирую его данность.

2. Осмысление противоположно осознанию

Соотнесение с Целостностью-Смыслом есть работа сознания, противоположная по направленности акту осознания, так как может открыться, что все, что я считаю своим, все «Мое» **мне на самом деле не принадлежит**, а весь значимый для меня мир разворачивается, раскрывается из Смысла, носителем которого является Я. В какой степени наш *Smysl* похож на *Ālaya-vijñāna* виджнянавадинов? Можно ли тогда экспозицию

проблемы сознания-Cogito и способов его постижения начать не с сомнения Декарта, а с Четвертой Истины Гаутамы Будды – «Истины Пути»? Если чистое Cogito есть искусственный, сконструированный продукт, то все то, что мной усвоено, все, что попало в зону моего внимания, все, что для меня значит и имеет смысл, определено моими языком, культурой и миром. Значит, одной стороны, предел возможностей мышления способен вывести меня на границу моего языка, моего мира, моей культуры и понудить искать то же в другой, а, с другой стороны, изучение другой культуры, движимое желанием понять ее устройство, может вывести меня к предельным основаниям моей. Тогда становится ясно, что существуют другие способы мыслить.

3. Существуют другие логики смысла

Главное условие верности этого тезиса - «герменевтически воспитанное сознание» (Г.Г. Гадамер), которое осуществляет презумпцию смысла каждому типу мета-рефлексии в каждой культуре, а каждая культура, в которой есть такая философская рефлексия, для него является «Большой Культурой», в которой по-своему разворачивается, раскрывается Смысл как Целостность. Поэтому европейская метафизика смысла в наши дни невозможна без попыток постичь реальную инаковость Другого, то есть, без философского востоковедения, способного преодолеть все стереотипы ориентализма и оксидентализма на основе следования принципу то же иначе. В применении этого принципа нет строгих правил, «логика смысла» как философия дает точку зрения и с этой точки зрения можно увидеть путь к миру, в котором правит не универсализм, то есть, европоцентризм, а могут быть услышаны голоса всех культур.

Заключение

Выявленные Трудности перевода имеют значение:

а) для изучения инокультурных явлений, непереводаемость Smysl'a – это очередной «взнос» в копилку доводов против культурных стереотипов и за фундаментальный принцип открытости герменевтики культуры “то же иначе” – принцип открытости реальной инаковости Другого, а не Alter Ego. Парадоксально, но непереводаемости дают позитивный эффект и способствуют взаимопониманию людей разных культур и логик смыслообразования;

б) для понимания трудностей в работе над ИИ, так как я, действительно, не понимаю, как возможно программирование процесса осмысления? Значит ли это, что программированию не подлежит только «русский разум»? Очевидно, что нет. Если каждая культура с развитой рефлексией и саморефлексией способна найти в своем языке целый ряд непереводаемостей, то что с ними делать, когда и если программирование дойдет до этих проблем?

Список литературы

1. Descartes René. Meditationes de prima philosophia. Amstelodami. 1670. Appendix. URL: <https://books.google.com/books?id=kuVuXpvNqLoC&printsec=frontcover#v>

=onepage&q&f=false

2. Smirnov A. V. Is a process-based logic possible? // *Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook*: 2019. № 9. Moscow: Sadra, 2019. URL: https://avsmirnov.info/eng/pube/Smirnov_PLogic.pdf
3. Paribok A. V. The Impasse of Ancient Tragical Weltanschauung and Two Positive Ways out / *Proceedings of the 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018)*, 2018. URL: https://www.academia.edu/86938572/The_Impasse_of_Ancient_Tragical_Weltanschauung_and_Two_Positive_Ways_out
4. Cassin B. (dir.). *Vocabulaire européen des philosophies: dictionnaire des intraduisibles*, Paris, Le Seuil/Le Robert, 2004.
5. Кант И. Критика чистого разума / Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Часть I. М.: «Наука», 2006.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. С нем. А. М. Михайлова. М.: ДИК, 1999.

Сведения об авторе

Рыскельдиева Лора Турарбековна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Ryskeldieva L. T.

ON CONSCIENCE AND SMYSL OR LOST IN THE TRANSLATION

Abstract. *Reflection of consciousness is the metaphysical commencement of European philosophy and attempts to answer the question of «what is consciousness?» determine the internal mine of its development. The authenticity of self-consciousness requires thinking in this area to possess special accuracy of linguistic expressions, abilities to overcome difficulties in working with thesaurus, one of which is associated with untranslatability that expresses cultural features of philosophical reflection. I am planning to show positive implications of this difficulty by using the “logic of sense”-approach currently being developed in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Its principle – “the same in the other way” - asserts the irreducibility of the logic of sense generating procedures in different cultures to joint universal structures.*

*To start with, I will present consciousness as a fundamental problem of European philosophy, will characterize the main approaches to its solution and then give a currently relevant interpretation of consciousness as an activity, and will show how it aligns with another type of activity, the description of which needs the use of the Russian word *Smysl*. This word will help us find the same, but expressed differently in foreign cultural philosophy.*

Keywords: *consciousness, Cogito, Descartes, Kant, Husserl, culture, sense-meaning problem, sense.*

References

1. Descartes René. *Meditationes de prima philosophia*. Amstelodami. 1670. Appendix. Available at: <https://books.google.com/books?id=kuVuXpvNqLoC&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>
2. Smirnov A.V. Is a process-based logic possible? // *Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook*: 2019. № 9. Moscow: Sadra Publ., 2019.
3. Paribok A.V. The Impasse of Ancient Tragical Weltanschauung and Two Positive Ways out / *Proceedings of the 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018)*, 2018. Available at: https://www.academia.edu/86938572/The_Impasse_of_Ancient_Tragical_Weltanschauung_and_Two_Positive_Ways_out
4. Cassin B. (dir.). *Vocabulaire européen des philosophies: dictionnaire des intraduisibles*, Paris, Le Seuil/Le Robert, 2004.
5. Kant I. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]* / Kant I. *Sochinenija na nemeckom i russkom jazykah. T. II. Chast' I. [Essays in German and Russian languages. Vol II. Part I.]* Moscow: Nauka Publ., 2006. (In Russian).
6. Husserl E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. T. 1 [Ideen zu einer reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie]*. Moscow: DIK Publ., 1999. (In Russian).

Ryskeldiyeva Lora Turarbekovna – DSc in Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.